

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2021 – 2022 учебный год

Заключительный этап

Первый тур

11 класс

Выполните целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

Дмитрий Бакин

ОРУЖИЕ

Первым делом он сжёг все книги, картины, репродукции и фотографии, полагая, что они могут сбить с толку, попадаясь на глаза, или могут просто мешать, когда дело дойдёт до осады. На это ушел весь день, но не потому, что их было много, а потому, что они медленно горели. Кожаные переплёты книг и позолоченные рамки картин приводили его в отчаяние. Он неподвижно стоял перед камином в длинном коричневом халате и дырявых тапочках и думал о том, что у него мало времени, мало времени, и смотрел, как огонь давится кожаными переплётками старинных фолиантов, точно собака, которая не может проглотить забитую в глотку кость. Позолоченные рамки огонь обходил стороной, как воду, и он подумал, что они не деревянные, или деревянные, но обмазаны толстым слоем окаменевшей замазки. Сами картины давно сгорели. Наконец, кожаные переплёты рассыпались прахом, а позолоченные рамки, не тронутые огнём, запылали под его неистовым взглядом, и тогда он свалился в кресло без сил и почувствовал, что упал с невыносимой высоты, как если бы бог упал на землю; почувствовал себя тяжёлым и смертельно уставшим для всего, что предстояло сделать.

Когда силы вернулись к нему, на улице была гроза. Он вышел на террасу, посмотрел в лес и подумал, что, если они пойдут на него сейчас, всё будет кончено и не нужно было ничего сжигать.

Он постарался не думать об этом.

И тогда он подумал: если они двинут на него пушки, танки, самоходки, для того чтобы сровнять с землёй всё то, что испокон веков равно земле, он будет бессилён что-либо сделать. Это привело его в отчаяние, более глубокое, чем то, которое он испытал, когда кожаные переплёты и позолоченные рамки не горели в огне.

Он постарался не думать об этом.

И тогда он подумал: они могут поднять самолёты, которые уничтожат его, и уничтожат всё, что не являлось им, на тысячи миль вокруг.

Но он сказал: нет, они не двинут на меня танки и не поднимут самолеты. Это всё равно что снаряжённый для атомной войны корабль выпустить в море, чтобы он разрезал лопастями одну медузу.

Он постарался не думать об этом.

Он зашёл в спальню, открыл гардероб, достал старую военную форму и маскхалат, который маскировал лишь на траве, под бликами солнца. Нашёл под кроватью одежную щетку, смочил её водой и тщательно вычистил форму и тяжёлые, в заклёпках, сапоги. Разделся и принял холодный душ. Потом надел форму и сапоги, тяжесть которых приковала ноги к полу, а поверх формы надел маскхалат и почувствовал себя деревом, которому предстоит ходить. Мало-помалу он привык ходить в сапогах и привык не обращать внимания на собственную медлительность, полагая, что черепаха обязана долголетием своей медлительности. Он подумал: думать необходимо так же медленно, как двигаться, иначе умрёшь внутри гораздо раньше, чем снаружи. Кроме того, необходимо замедлить бег крови в жилах – тогда меньше износ, потому что слабее трение; замедлить частоту ударов сердца, потому что молоток, которым забьют тысячу гвоздей, изнашивается раньше молотка, которым забьют один; приостановить стремительность мысли до медлительности часового маятника – вот в чём секрет.

Он заснул в кресле далеко за полночь и проснулся в полдень с мыслью о танках и самолётах. Он заметил, что при мысли о танках и самолётах у него дрожат руки и ноги, выпадают волосы, слабеет зрение и цепенеет мозг. И он понял: если постоянно думать о танках и самолётах – не проживёшь дольше бабочки. А потом подумал, что давно у них в руках. Прислушался и глубоко вздохнул. Было тихо, и тогда он вспомнил о бесшумном убийстве; и тогда отказался от еды и воды, потому что всё это могло быть отравлено, и понял, что в конце концов придётся отказаться от сна, потому что во сне человек беспомощен, как вещь.

Он постарался не думать об этом.

Спустился на первый этаж и проверил, заперты ли замки и засовы входной двери. Убедившись, что отсюда они не смогут проникнуть в дом бесшумно, он проверил засовы на ставнях всех окон первого и второго этажей.

И тогда он подумал о террасе, которая выходила в лес. В глубине сознания он твёрдо знал, что они придут из леса и сначала попробуют захватить просторную террасу. Теперь он понял, что знал это всегда и родился слепым, немым, глухим, но твёрдо зная, что они придут из леса и сначала попробуют захватить просторную террасу.

Он установил на террасе два станковых пулемёта, и лишь на то, чтобы их туда вытащить, ушло полдня. Намертво закрепил, прикрутив наваренные стальные пластины стоек к полу террасы огромными болтами, какими крепятся высоковольтные столбы, для того, чтобы пулемёты не повернули против него, если терраса всё-таки будет захвачена. На случай захвата террасы он установил в комнате напротив ручной пулемёт, диск которого был заряжен разрывными пулями с крестообразным надрезом и полостью в головной части. Он установил ручные пулемёты в каждой комнате и снял с предохранителей, потому что потом на это могло не оказаться времени.

И вновь подумал о самолётах и танках, и мозг сковало отчаяние.

Но он сказал: нет, они не двинут на меня танки и не поднимут самолёты. Это всё равно что снаряжённый для атомной войны корабль выпустить в море, чтобы он разрезал лопастями одну медузу.

Он стоял на террасе лицом к лесу, между станковыми пулемётами, лафеты которых были зафиксированы стальными штырями влево-вправо на горизонтальный разворот стволов в радиусе тридцати градусов. Он думал: если они пойдут на террасу клином, левый станковый пулемёт он укрепит, повернув ствол до предела вправо, и поставит кусок арматуры в распор на гашетку, а за правый станковый пулемёт встанет сам, потому что от правого станкового пулемёта ближе до двери в комнату перед террасой, куда он будет отступать. Таким образом он противопоставит клину противника конус пулемётного огня из двух точек, то есть клин в клин. Но если внешние стороны клина пулемётного огня работают, то внутри клин полый. И тогда он просчитал в шагах расстояние от одного станкового пулемёта до другого, высчитал радиус разворота стволов и высчитал расстояние до точки, где пулемётные очереди пересекутся, образуя конус. И тогда он взял топор, сошёл с террасы на землю и прошагал высчитанное в шагах расстояние до точки и сделал крупную зарубку на стволе дерева – и это была точка, где пулемётные очереди пересекутся.

При проходе клина противника в непростреливаемое станковыми пулемётами пространство полого конуса оба пулемёта теряют значение, и он будет вынужден отступить в комнату перед террасой, за ручной пулемёт с разрывными пулями, и стрелять через двери, ведущие на террасу вверх парапета. В этом случае ручной пулемёт, установленный в комнате, окажется важнее двух станковых, установленных на террасе и предназначенных лишь для того, чтобы уложить единиц столько, сколько он успеет, пока они не прорвутся за отмеченное зарубкой дерево.

Но он сказал: они не пойдут клином.

Если они пойдут фалангой – сомкнутым строем – с последующим окружением дома, один из станковых пулемётов, точнее, левый без стрелка с закреплённым в одном положении стволом, почти теряет значение, так как от его пуль легко увернуться. И если они на время откажутся от захвата террасы, остаётся ждать нападения со стороны входной двери, после того как они окружат дом, но и террасу бросать нельзя.

Он постарался не думать об этом и не думать о голоде и жажде, прекрасно понимая, что глупо отравиться сейчас, когда всё, что он хотел сделать, сделано, и необходимо только ждать.

Он ещё раз прошёл по комнатам, проверил пулемёты, и поцеловал ствол каждого, и поцеловал нож, который держал при себе и лезвие которого звенело, как хрусталь.

Пеплом из камина он нарисовал стрелки на стенах комнат, заранее определив и указав себе путь отступления – из комнаты в комнату, и подумал, что этот маршрут действителен, если он поведёт оборону дома, начиная с террасы. Кроме того, он нарисовал на стенах комнат курсивные стрелки – путь отступления, которому он должен следовать, если нападут со стороны входной двери и отступать придётся, начиная с прихожей. И те и другие стрелки сходились в самой дальней угловой комнате, где не было ни мебели, ни пулемётов, где много лет назад он родился.

1996

Тимур Кибиров

ЭКЛОГА

Мой друг, мой нежный друг, в пунцовом георгине
могучий шмель гудит, зарывшись с головой.

Но крупный дождь грибной так лёгок на помине,
так сладок для ботвы, для кожи золотой.

Уж огурцы в цвету, мой нежный друг. Взгляни же
и, ангел мой, пойми — нам некуда идти.

Прошедший дождь проник сквозь шиферную крышу
и томик намочил Эжена де Кюсти.

Чей перевод, скажи? Гандлевского, наверно.

Анакреонтов лад, горацанский строй.

И огурцы в цвету, и звон цикады мерный,
кузнечика точней и лиры золотой.

И солнце сквозь листву, и шмель неторопливый,
и фавна тихий смех, и сонных кур возня.
Сюда, мой друг, сюда, мой ангел нерадивый,
приляг, мой нежный друг, и не тревожь меня.

О, налепи на нос листок светло-зеленый,
о, закрывай глаза и слушай в полусне
то пение цикад, то звон цевницы сонной,
то бормотанье волн, то пенье в стороне

аркадских пастухов — из томика, из плавной
медовой глубины, летейской тишины,
и тихий смех в кустах полуденного фавна,
и лепет огурцов, и шёпот бузины.

Сюда, сюда, мой друг! Ты знаешь край, где никнет
клубника в чернозём на радость муравьям,
где сохнет на столе подмоченная книга
Эжена де Кюсти, и за забором там

соседа-фавна смех, и рожки, и гармошка,
и Хлои поясок, дриады локоток,
и некуда идти. И за грядой картошки
заросший ручеёк, расшатанный мосток.

1988

Комментарии:

Анакреон (Анакреонт) – древнегреческий лирический поэт (570/559 – 485/478 до н.э.).

Гораций – древнеримский поэт-лирик «золотого века» античной литературы (65-27 г. до н.э.). Его перу принадлежит ода «Памятник», увековеченная в переложениях и переводах русских поэтов.

Фавн – мифологическое существо, наполовину человек, наполовину козел, персонаж римской мифологии.

Хлоя – героиня античного пасторального романа о любви пастуха и пастушки «Дафнис и Хлоя».